

Глава 4

Бойня

В 1912 году, когда родился мой отец, в городке Нирбаторе, рядом с границей с Украиной, жизнь была хороша. Продовольствия имелось в достатке для всех. Средний уровень насилия в обществе был не чрезмерным. С последнего момента, когда через город продвигалась действующая армия в рамках военной кампании, уже прошло довольно много времени. Это, конечно, был не Париж, но Просвещение коснулось даже этого мрачноватого, забытого богом места на карте Европы. Поговаривали, что местный доктор даже читал труды Спинозы. В городе была железнодорожная станция, поезда ходили в Будапешт. В общем, там было можно жить, планировать свое будущее, надеяться на лучшее — в разумных пределах. Если кому-то суждено было родиться в данном месте, то 1912 год был, наверное, лучшим временем для этого.

Этот год был удачным для Европы в целом, особенно для ее западной части. В течение почти ста лет, с 1815-го, несмотря на отдельные локальные военные конфликты, Европа жила по большей части мирной жизнью. Конечно, это мирное существование ни в коем случае нельзя назвать идиллически-безоблачным, но мира было больше, чем в любые предшествовавшие столетия. Широкое распространение получили республиканские идеи, и даже в такой стране, как Германия, где у власти находился кайзер, был не декоративный, а имеющий вполне реальную власть парламент, существовала свободная пресса, действовали замечательные университеты, бурно развивалась экономика, слово «процветание» можно было применить не только к тончайшей прослойке общества, но и к весьма широким массам. Научно-технический прогресс впечатлял еще более, чем рост экономики.

Европа господствовала над миром.

Под властью европейских держав были многочисленные колонии общей площадью около 40 миллионов квадратных километров. Британия контролировала 25 миллионов, крошечная Бельгия владела огромной территорией Конго, Голландия управ-

ляла десятками миллионов людей там, где сегодня расположена Индонезия, Франция имела свою большую империю в Африке и Индокитае. Кроме этого списка были еще земли, которые формально являлись независимыми от европейских метрополий, но в которых европейцы обладали огромным влиянием, как, например, Египет и Китай.

Глобальные колониальные империи по состоянию на 1914 год

Нужно также помнить о странах, ранее имевших статус европейских колоний, но к началу описываемого периода завоевавших независимость. В мире Европа была колоссом, богатым, креативным и чрезвычайно мощным.

Никто не ожидал того, что вскоре произошло. Внезапно в августе 1914-го Европа превратилась в настоящую мясорубку. К 1945 году погибло (по неестественным причинам) 100 миллионов, бесчисленное множество было покалечено, весь континент испытал тяжелейшую контузию. Масштаб и скорость распространения разрухи и разорения оказались беспрецедентными. Если кто-то и мог представить себе возможность подобного апокалипсиса в каких-то местах на Земле, то Европа, колыбель и центр Просвещения, рассматривавшая себя как образец высочайшего развития человеческого духа, казалась наименее вероятной ареной

для буйства самых злых и разрушительных сил. То, что Европа оказалась обречена в это время превратиться в ад, было не менее поразительно, чем то, что ей немногим более чем за 400 лет до этого было суждено начать преобразование планеты и человечества. Все предыдущие достижения оказались разбазаренными в течение тридцати одного года самым дичайшим образом.

К 1945 году вся Европа стала оккупированной территорией с очень условным суверенитетом (если не сказать приостановленным и подвешенным в неопределенном статусе), разоренной войной, коллаборационизмом и Соппротивлением. Европейцы, казалось, остолбенели, осознав, в каких монстров они превратились, осмыслив глубину своей трусости и слабости. И еще они поняли, что величие годов и десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, было не что иное, как внешний лоск, скрывавший такие темные стороны Европы, какие нельзя было и вообразить. С этим осознанием улетучилось и европейское доминирование в мировых делах, причем при полном согласии европейцев. Они охотно «сдали вахту», признав, что империи, которые строились на протяжении более чем четырех веков, за которые боролись ценой громадных усилий и множества человеческих жизней, стали просто никому ненужными, бессмысленными геополитическими игрушками. После всех битв за господство над миром Европа потеряла способность проявлять какой-либо интерес к этому.

Как и во всех великих трагедиях, те же причины, которые привели к возвеличиванию Европы, вызвали и ее падение. Принципы государственности и право наций на самоопределение, прославляемые Просвещением, эволюционировали в шовинизм и ксенофобию, ненависть к чужакам. Невероятные достижения в науке имели в основе крайний скептицизм, который, будучи автоматически распространенным и на духовное познание, привел к низвержению моральных принципов. Технологии, позволившие изменить внешний материальный мир, создали и невообразимые орудия убийства. Властвование над миром привело к перманентному конфликту с ним, равно как и к внутреннему противостоянию за право на такое господство. Каждый шаг, утверждавший величие, нес в себе и зародыши будущей катастрофы.

Катастрофа надвигалась, но почти никто не смог разглядеть ее неясные очертания. Знаменитый писатель, публицист, пацифист Норман Энджелл (Norman Angell), в тридцатые годы получивший Нобелевскую премию мира, в 1909 году опубликовал замечательную книгу под названием «*Великая иллюзия*» (The Great Illusion). В ней он доказывал, что война в Европе стала невозможной из-за высочайшей степени взаимозависимости европейских стран и в торговле, и в инвестициях. Война ведет к полному параличу экономик воюющих стран из-за нарушения связей между ними, а следовательно, к опустошению и разорению и проигравших, и победителей. Поэтому, заключал Энджелл, войны быть не может.

Такие аргументы звучали весьма убедительно и весомо, особенно для финансовых элит, к которым они, собственно, и были обращены. В основе этого лежал хоть и небесспорный, но очевидным образом выдвигавшийся на передний план факт того, что именно финансовые элиты (а не чисто политические или чисто военные) перехватили контроль над мировым развитием. Их интересы, за которыми стояло практически все накопленное богатство, должны были защитить мир от «основных» милитаристских инстинктов, ведь их выход из-под контроля угрожал этому богатству. Финансисты опутывали весь мир паутиной экономических связей, обрыв которых, по идее, не был выгоден никому, а поэтому защищали мир от самого себя. Тогда, как и сейчас, возможность делать деньги ставилась во главу угла всех человеческих взаимоотношений, что приводило к выводу: если вам удастся делать деньги, то вы не заинтересованы в войне; если всем позволено делать деньги, то никто в войне не заинтересован, поэтому война невозможна. Энджелл был очень умен, но он оказался неправ.

Он проигнорировал очень важный момент. Когда у двух наций есть общие экономические интересы, всегда появляется опасение, что другая сторона извлечет (конечно, несправедливо) из них бóльшую выгоду для себя, используя свои специфические преимущества. Или, может быть, захочет иметь аналогичные совместные интересы с какой-то третьей нацией — в ущерб существующему партнеру. Или просто нарушит по каким-то причинам заключенные договоренности. Чем сильнее степень взаимозависимости

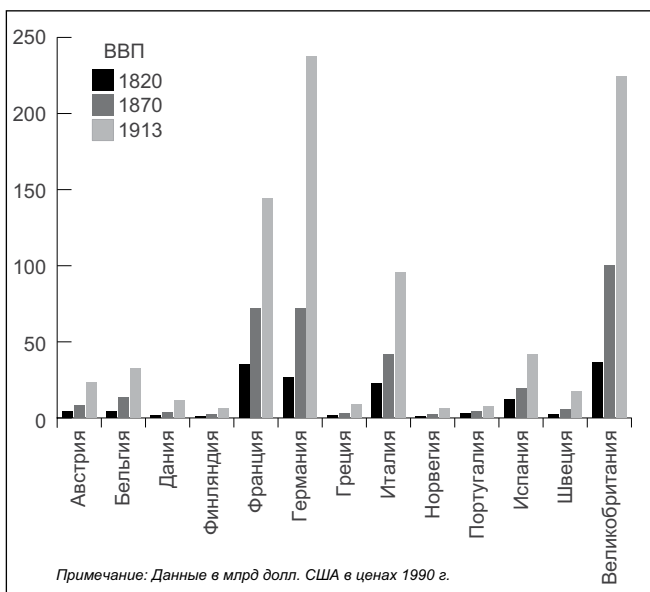
стран, тем больше они стремятся получить доказательств, что другая сторона останется верной этим отношениям. И что если, не дай бог, станет развиваться худший сценарий, другая сторона не будет использовать эту взаимозависимость для шантажа. Страхи и недоверие множились, нации стремились получить все более надежные средства обеспечения своей безопасности — экономической и финансовой. Это стремление не исключало войну как крайнее средство. Поэтому взаимозависимость МОЖЕТ дать безопасность, но может и не дать. Взаимозависимость при некоторых обстоятельствах может, наоборот, подорвать национальную безопасность и привести к войне.

К началу XX века при всей экономической взаимозависимости в Европе сложилась фундаментальная реальность: на европейскую и мировую арену вышла Германия как ведущая экономическая сила, сравниться с которой могла только островная Британия. И Германия, и Британия далеко опережали остальную Европу по экспортным возможностям — только Британия при этом имела империю, а Германия — нет.

Немецкая экономическая мощь, растущая с устрашающей скоростью, оказалась настолько просто «конвертируемой» в мощь военную, что все европейские страны были напуганы наличием такого соседа. По иронии судьбы Германия также очень опасалась соседних государств. Зажатая между Россией на востоке и Францией на западе, отделенная от других стран небольшими и немногочисленными естественными барьерами, имевшая лишь сорокалетнюю историю развития как единое государство, Германия страшилась одновременного нападения с двух сторон, которое могло произойти, несмотря на все кросс-границные торговые и финансовые связи.

Объединение германских земель в единое государство и последовавший экономический подъем страны дестабилизировали сложившуюся в Европе систему. На западных и восточных границах новой империи возникли точки возгорания, породившие страхи в отношении стратегических вопросов, которые не удалось снять дипломатическими методами. Опасения были вполне реальными, а не фантомными, и они подпитывались уязвимостью позиций

всех вовлеченных сторон, которая, в свою очередь, была рождена глубокой взаимозависимостью. Энджелл оказался банально неправ, доказывая невозможность войны.

Экономический рост западноевропейских стран в 1820–1913 годах

Трения появлялись и усугублялись, что все больше обосновывало необходимость войны. Либо Германию нужно было существенно ослабить, либо вся европейская военно-политическая система должна была измениться так, чтобы обеспечить Германии бóльшую безопасность во всех отношениях. В общем-то, ничего нового: Европа сталкивалась с такого рода конфликтами на протяжении веков. Однако никто не мог предвидеть, что это будет за война.

Массовое убийство как норма

Германские лидеры прекрасно понимали, что война на два фронта станет катастрофичной для страны, если она начнется тогда,

когда решат враги, и в том месте, где решат враги. Несмотря на то что у руководства империи не было никаких надежных данных об открыто агрессивных планах франко-русского альянса, немцы отчетливо представляли себе, что намерения могут измениться очень быстро. Они также прекрасно осознавали тот факт, что бурный экономический подъем Германии вызывал все большее беспокойство ее геополитических соперников, которые на какой-то стадии могут выбрать войну как метод решения проблем. Риск казался слишком большим. Поэтому была принята стратегия подготовки к войне, которую следовало начать самим в наиболее подходящий для страны момент. Ставка в военно-стратегическом планировании была сделана на быстрый разгром одного из вражеских государств и последующую более или менее «нормально текущую» конфронтацию с другим. Германия сама начала войну из опасений, что если она этого не сделает, то это осуществит противник на условиях, для нее невыгодных. Если кто-то воспринимает такой вывод как парадоксальный, то достаточно ознакомиться со стратегическим военным планом, разработанным фельдмаршалом фон Шлиффеном. План, получивший имя своего автора, был полон как парадоксов, так и банальностей, понятных любому более или менее разумному человеку.

План Шлиффена предполагал быструю массированную атаку Франции, которая должна была привести к капитуляции последней в течение примерно 40–45 дней. Нападение планировалось через территорию нейтральной Бельгии со сосредоточением основных сил на правом фланге фронта, быстрым продвижением на юг вдоль берега Ла-Манша и финальным обходом Парижа. В результате французская армия должна была быть окружена, а столица Третьей республики взята. Все это нужно было совершить в очень сжатые сроки, чтобы Британия просто физически не успела как-то отреагировать своими наземными силами. Немцы предусмотрели вариант ответного российского удара на востоке и были готовы к тактическому отступлению и даже временному оставлению Восточной Пруссии. После военного разгрома Франции предполагалось, используя высокоразвитую железнодорожную инфраструктуру Германии, в кратчайшие сроки

перебросить более 90 % немецкой армии на восток, оставив на западе около 10 %.

Германия планировала быструю войну — любой на месте немецких военных стратегов мыслил бы точно так же, исходя из объективных политических, географических, экономических реалий и целей, которые предстояло достичь. Но «что-то пошло не так», совсем не так, как задумывали германские фельдмаршалы. Быстрая маневренная война очень скоро выродилась в длительную взаимную бойню, в которой ни одна из сторон не имела решающего преимущества, в нечто, с чем Европа не сталкивалась еще со времен монгольского нашествия. Хотя эта бойня началась очень даже «бодро»: за короткий промежуток — между 6 и 14 сентября 1914 года — только на Западном фронте было убито около полумиллиона человек.

Можно констатировать три момента, которые коренным образом изменили тип войны. Во-первых, научно-техническое развитие резко ускорило изобретение новых видов вооружений и дало возможность их применения на практике. Во-вторых, индустриализация передовых стран способствовала налаживанию массового производства нового оружия в кратчайшие сроки. И, в-третьих, морально-психологическая обработка умов в государствах со сложившимися нациями, в первую очередь в трех главных европейских центрах — Франции, Великобритании и Германии, — позволила сохранить контроль над миллионными армиями, мотивировать эти миллионы убивать друг друга во имя своих наций и выдерживать все ужасы, всю грязь окопной жизни, которая, в свою очередь, была «неприятной, жестокой и короткой».

Возьмем, к примеру, автоматическое оружие, пулеметы. Оно было изобретено для того, чтобы преодолеть принципиальные недостатки ружей и винтовок. Ружья были очень неточным оружием, если только они не находились в руках прекрасно выученных и тренированных людей. Которых были тысячи, может быть, десятки тысяч, но не миллионы. Точность ружья не могла быть существенно повышена чисто техническими способами. Вместо этого предлагалось компенсировать этот недостаток огнем десятков пуль, выпускаемых одна за другой в течение

короткого промежутка времени, за который обычное ружье делает только один выстрел. Американский пулемет Гатлинга времен Гражданской войны в Соединенных Штатах был одним из первых несовершенных прототипов автоматического оружия Первой мировой. Хайрем Максим изобрел современный пулемет. В одном из интервью Максим сказал, что как-то встретил знакомого американца в Вене в 1882 году и тот ему сказал: «Бросай свою химию и электричество. Если хочешь заработать кучу денег, придумай что-нибудь, что позволит этим европейцам еще лучше перегрызать друг другу глотки...» Один-единственный пулемет, противостоящий многочисленным атакующим силам противника, мог убить или ранить десятки солдат неприятеля прежде, чем они приблизятся к обороняемым позициям. Чтобы наступление целой армии захлебнулось в крови, требовалось произвести большое количество пулеметов и вооружить ими свою армию.

Хотя идея автоматического оружия витала в воздухе уже достаточно долгое время, техническая возможность его выпуска в массовом масштабе до поры до времени отсутствовала. Концепции нового оружия, единичные или опытные образцы были практически бесполезны без промышленного производства. Поступление же тысяч пулеметов на вооружение армий делало реальным применение совершенно новых методов ведения войны. Как и массовое производство других вещей: консервированных продуктов питания, артиллерийских снарядов (вместо ядер), грузовиков и экскаваторов. Индустриальная революция вместе с научно-техническими достижениями коренным образом изменила войну во всех аспектах, на порядки увеличив возможное число жертв любых боевых действий.

Немаловажным фактором, придавшим современным войнам беспрецедентно ожесточенный характер, стала и готовность людей драться, убивать и быть убитыми во имя каких-то идеалов, провозглашаемых государством. Все мировые технические достижения не привели бы к той кровавой бане, если бы солдаты не были бы готовы на психологическом уровне поставить интересы своей нации выше собственных, индивидуальных. И не стали

бы воспринимать государство как материальное воплощение национальной идеи. Нация теперь значила гораздо больше, чем просто общность людей, говорящих на одном языке. Нация явилась моральной связью между ними, моральным обязательством и одновременно административной системой. Моральные обязательства отдельного человека перед нацией произросли из многих концепций эпохи Просвещения — от идеи общественного договора до романтизации искусства, зависимого от языка общения. Идея главенства индивидуальных прав, свобод и обязанностей оказалась в подчиненном положении по отношению к идее национальных интересов. И ничто не отразило эту подчиненность лучше, чем реализованная концепция массовых армий, основанная на тех или иных вариантах всеобщей воинской повинности.

В прошлом армии представляли собой некие, зачастую разношерстные, объединения насильно мобилизованных людей и наемников. Теперь же они состояли из солдат-граждан, действующих на основании своих моральных принципов. Армии стали материально олицетворять национальный дух. Уклонение от выполнения «воинского долга» стало расцениваться как предательство Родины, как предательство своего народа, то есть своей души. Административная система организации наций, материальное воплощение политической организации общества были доведены до совершенства в деле военного строительства. Армия превратилась в «плоть от плоти народной», стала непременным атрибутом нации. Нация же все более походила на военную структуру. Поэтому обычные люди были готовы умереть, даже продолжать умирать за свою нацию, которая стала некоей трансцендентальной нравственной вершиной, принципом, сочетавшим в себе армию и долг, гордость и честь. Солдаты воспитывались чуть ли не с детства с представлением, что лучше погибнуть, чем изменить этим принципам. Подобный моральный императив в большей степени господствовал в зрелых монархических государствах, таких как Германия, Франция или Великобритания, чем в многонациональных империях. Но даже в Австро-Венгрии этот принцип в достаточной мере завладел ее

ядром — австрийцами. В Российской империи его привлекательность была меньшей, поэтому режим в конце концов пал¹.

Смерть всегда сопутствовала войне, но Первая мировая изменила масштабы истребления живой силы, скорость, с которой гибель настигала сражающихся, а также вероятность умереть на поле боя. То, что в ходе этой войны за относительно короткие промежутки времени было убито такое огромное количество людей, причем убито безобразно «эффективно», наглядно выявило не только беспрецедентный размах военных действий, но и принципиально иные моральные взаимоотношения между человеком, его смертью и государством. Количество убитых перешло в новое качество. Смерть во многом и на многих уровнях перестала восприниматься как трагедия. Когда за день погибают десятки тысяч, убийство становится чем-то обыденным, даже банальностью. Когда это происходит день за днем, смерть перестает шокировать души, быть табу, превращается в рутину.

Желание и решимость европейцев убивать в массовом порядке, их готовность погибнуть изменили в человеческом обществе всё и навсегда. Но полное истощение вместе с прибытием на театр военных действий миллионов американцев, которые к тому моменту отнюдь не были опустошены месяцами и годами окопной войны, привело к концу Первой мировой. На Восточном фронте она закончилась раньше. Солдаты Российской армии не были подвержены такому промыванию мозгов «в духе Просвещения», они терпели до поры до времени, а затем восстали. Стремление отправиться домой оказалось для них более значимым и важным, чем национальная гордость. На западе война продолжалась до конца 1918 года. Одна вещь оказалась общей для обеих воевавших сторон: солдаты противоборствующих армий сперва почувствовали облегчение, а потом то, что их предали.

В результате все стороны достигли совсем не того, к чему стремились в начале военных действий. Германия не устранила угрозу войны на два фронта, Франции не удалось расчлени-

¹ Не как следствие «внешнего» военного поражения, а в большей степени по «внутренним» причинам. — *Примеч. пер.*

Германию. Случилось то, что ожидалось меньше всего: распались четыре империи — Германская, Австро-Венгерская, Российская и Османская. А это привело к вычленению новых ярко выраженных наций, которые до того были в большей степени растворены в многонациональных империях.

Европа после Первой мировой войны

Окончание Первой мировой войны представляло собой триумф национального самоопределения. Нации, которые до этого входили в состав империй, оказались суверенными — независимо от того, готовы они были к независимости или нет. И им пришлось заняться стратегическим планированием своего будущего — очень тяжелая задача для стран, у которых не было своей национальной государственности (пусть даже тиранической диктатуры) на протяжении многих поколений. Польша возродилась как само-

стоятельное государство после более чем столетнего небытия. Общий язык и господство католичества, связывавшие поляков друг с другом все это время, способствовали национальному возрождению. Шопен и другие польские романтики от искусства обеспечили существование национальной гордости и идентичности еще с начала XIX века.

Но другие народы, например эстонцы или румыны, испытывали существенно бóльшие трудности в осознании того, что значит быть нацией. Еще сложнее дела обстояли в странных геополитических образованиях, появившихся в результате заключения всевозможных международных договоров. Чехи и словаки оказались гражданами одного общего государства. Все славяне Западных Балкан стали югославами, что вообще было чревато будущими конфликтами, так как под одной крышей были объединены испытывавшие взаимную неприязнь и даже ненависть католики, православные и мусульмане¹. Европа была переполнена независимыми национальными государствами, народы которых хранили многовековые взаимные обиды. В дополнение ко всему война ничего не решила на западе континента. Да, в головах витало представление о том, что осознание ужасов Первой мировой должно положить конец всем войнам в Европе. Но наиболее проницательные наблюдатели — такие как маршал Фош — уже тогда понимали, что окончание этой войны было всего лишь перемирием, которое, как оказалось, продлилось только 20 лет.

Европа по большому счету проиграла. Экономика европейских либеральных демократий была сильнейшим образом подорвана, их народы полностью разуверились в своих лидерах. Особо горькие чувства испытывали немцы, как народ страны, потерпевшей поражение: презрение к режиму, который вверг государство в позор, ненависть к силам, предавшим страну и воткнувшим ей нож в спину. В России произошли революционные изменения, которые привели к власти маргинальное экстремистское движение — марксизм. Послевоенный европейский хаос хотя и не был

¹ Без «внешнего арбитра», роль которого до этого исполняли австрийцы и турки. — *Примеч. пер.*

сопряжен с насилием в такой степени, как во время войны, но нес в себе еще большие угрозы. Европа была бурлящей, истощенной, обиженной, оскорбленной и проигравшей.

Только Советский Союз имел четкую цель своего дальнейшего развития: создание общества всеобщего равенства на основе промышленного освоения и покорения природы. Равенство могло быть достигнуто путем преодоления нехватки во всем, что было характерно для страны. Оставляя за скобками тот факт, что Советский Союз был очень далек от состояния господства над природой, надо признать, что марксистская философия являлась логическим венцом всех идей эпохи Просвещения. Развитие науки и техники должно было привести к коренному изменению условий человеческого бытия, изобилие материальных благ открывало дорогу к всеобщему равенству и преодолению случайных (по факту рождения) и искусственных различий между людьми.

Эпоха Просвещения дала человечеству концепцию идеологии, которая являлась квинтэссенцией светской веры в справедливость, построенной на рациональном анализе истории человечества. Идеология предоставляла внутренне непротиворечивое и последовательное объяснение, как все было устроено в обществе и что людям нужно делать в настоящем и будущем. Светский характер критичен для понятия идеологии. Просвещение было на ножах с религией. Устраняя тем или иным образом на том или ином этапе бога, творцы идеологических теорий предоставляли себе свободу трактовки того, что есть справедливость во взаимоотношениях между людьми, — это все являлось результатом их мыслительной деятельности.

Стремление к внутренней непротиворечивости диктовало необходимость охвата в идеологических построениях всех аспектов жизни общества — от природы брака до определения того, что прекрасно в искусстве, и способов выплавки стали. Если вы будете отталкиваться от достаточного набора основных принципов, постулатов, если вы будете применять их ко всему, невзирая на возможные эмоции, то по идее вы сможете объяснить все происходящее и понять, что вам нужно делать далее. Чем более амбициозен в претензиях на проницательность и дальновидность,

чем более последователен и непротиворечив конкретный ум, тем более он беспощаден в воплощении своих идей на практике: ведь он абсолютно уверен в собственной правоте! Карл Маркс никогда не был приверженцем насильственных действий. Будучи интеллектуалом до мозга костей, он рассматривал насилие как один из способов для понуждения других следовать его безжалостной логике. Однако в ходе изучения его жизни создается впечатление, что он до конца не осознавал последствий данного тезиса. Вместе с тем это не относится к его последователям, которые вполне отчетливо представляли, что может случиться при методичном воплощении в жизнь идеологических построений, в частности конкретной марксистской теории, и которые на самом деле реализовали эту идеологию так, как они ее поняли, с безжалостностью, невообразимой до 1914 года.

Идеологии ведут к революциям. Приверженность Просвещения к систематическому характеру мышления влекла приверженность к последовательной политике, что объективно порождало желание насадить соответствующие политические системы по всему миру. Начиная с Великой французской революции и борьбы за независимость в США, Европу захватила идея о революциях как о моральном императиве¹. Революции, даже французская, были в какой-то степени честны и благопристойны. Революционеры убивали тысячи людей в желании построить новый справедливый (а то и совершенный) порядок. Революции выглядели апокалиптически, но только для тех, кто не видел, что должно прийти после.

Первая мировая война привела к переоценке того, что было приемлемым в ходе социальной революции. Она полностью устранила любые границы на пути процессов, которые и так являлись по своей природе трансграничными. Она сняла все ограничения с представлений о допустимых жертвах. Она также в значительной степени подорвала позиции тех общественных институтов, которые исторически играли роль в сдерживании

¹ Что нашло отражение в известном высказывании о революции как о движущей силе истории. — *Примеч. пер.*

массовых убийств, таких как церковь и традиционная семья; подорванным оказался и просто человеческий здравый смысл. Война привела к тому, что и солдаты, только что вернувшиеся с полей ожесточенных сражений, и интеллектуалы, не связанные более общественно приемлемыми рамками, стали переделывать мир в соответствии со своими идеями и представлениями, от размаха и амбиций которых захватывало дух.

Коммунизм и фашизм основывались на идее главенства широких масс¹. Это были концепции, отталкивающиеся не от индивидуальной личности, а от человечества как от людской массы, внутри которой происходила дифференциация на группы по их функциям в обществе, при этом каждая группа исходила из своих потребностей, иллюзий и страхов. Задачей политической партии и государства, которое эта партия выстраивала под себя, было подхватить основные, пусть и неосознанные, стремления неоформившихся масс и на их базе создать будущее для всего человечества. Надо четко себе представлять, что элиты и коммунистических партий, и нацистской партии использовали народные массы для укрепления своей власти и ради собственных интересов (то есть интересов властных элит). Кинохроника массовых митингов и шествий в Москве и Нюрнберге дает представление о размахе запросов, управляемых мифами и иллюзиями с постоянным присутствием притаившегося страха, то тут, то там выходящего на поверхность. Можно сказать, что партии нацистов и коммунистов были примерно тем же самым, что и армии времен Первой мировой, управлявшиеся в соответствии с аналогичными принципами, только без униформы. Армии, состоящие из масс, «винтиков», которые были готовы выполнить любой приказ, любую волю государства. Основным запросом, основным стремлением «винтиков» было просто выжить. Страх перед собственными лидерами и внешним врагом приводил к готовности не задумываясь делать то, что требуется. Из таким образом сформированной и закаленной массы предстояло появиться новому человеку, лучшему

¹ Тут скорее имеются в виду идеологические концепции, а не их конкретные реализации конкретными людьми. — *Примеч. пер.*

человеку, человеку будущего. Но для начала, на пути к такому будущему должна была пролиться кровь.

Всероссийская коммунистическая партия¹ образовалась на основе двух социальных групп, классов, которые Маркс в своих работах не упоминал. Это были солдаты, поднимавшие мятежи, вылившиеся в революцию, и интеллектуалы-интеллигенты, которые возглавляли революционные партии. Солдаты вернулись домой с полей сражений мировой войны, на свои фабрики и в свои крестьянские хозяйства, но их ментальность и практические навыки были уже в большей степени военными. Они твердо знали две вещи. Первое — необходимость железной дисциплины, которая помогает выжить в ужасающих условиях, второе — то, что смерть является повседневной рутинной, что массовую гибель людей следует ожидать в любой момент. Эти люди были готовы окунуться в кровь гражданской войны, которая вспыхнула немедленно после революции. Они были готовы исполнить свои роли в крайне милитаризованном обществе, они были готовы смотреть в лицо смерти, исходящей от собственного государства. Они все это уже проходили.

Руководство партии находилось в руках интеллигенции, таких людей, как Ленин, который до этого написал книгу *«Материализм и эмпириокритицизм»*. Данное произведение совершенно невозможно читать, но оно, безусловно, демонстрирует уровень мышления автора как достойного интеллектуала. Эпоха Просвещения поставила интеллектуалов в центр моральной вселенной, вытеснив оттуда священнослужителей. Просвещение фокусировалось на человеческом разуме, и те, кто был способен воплотить на практике идеи разума, были самыми важными историческими деятелями. Но интеллектуал, ощущающий себя «пупом земли», подвержен искушению встать в позу проповедника, изрекающего непреложные истины. Совсем как жрец храма. Если работы такого интеллектуала открывают истину, то почему бы ему не стать

¹ ВКП(б), КПСС — здесь автор в оригинале говорит о «Коммунистической партии России», которой под таким названием никогда не существовало. — *Примеч. пер.*